

Оборона Севастополя

Военные думы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-22

О-22 Оборона Севастополя: Военные думы / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 70 с.

ISBN 978-5-458-16328-6

Перевод с немецкого. С разрешения Военно-Ученого Комитета отпечатано отдельными оттисками из Военного Журнала.

ISBN 978-5-458-16328-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

извѣстная своею строгою правдивостію, отдавая отчетъ объ этой брошюрѣ, говорить: « Не празднымъ думамъ предавался авторъ; его побудило взяться за перо намѣреніе рассмотреть, въ поученіе другимъ, осаду Севастополя, не подходящую ни подъ одну рубрику изъ извѣстныхъ донинѣ, по учебнымъ теоріямъ, осадъ. Мы обязаны ему тѣмъ бѣльшею благодарностію за трудъ его, написанный столько же остроумно, сколько и съ знаніемъ дѣла, что распространяющіяся средства сообщенія дадутъ, конечно, новый оборотъ осадной войнѣ вообще, хотя, быть можетъ, и не повторятся совершенно исключительныя обстоятельства, преобладавшія при осадѣ Севастополя. Основная мысль автора слѣдующая: « Не линіи защищаютъ крѣпости, а люди и пушки, и потому должно заботиться, чтобы въ послѣднихъ не было ни качественнаго, ни количественнаго недостатка. » Разсматривая оборону Севастополя, авторъ приводитъ неопровержимое доказательство, что только послѣдованіе этому правилу сдѣлало возможнымъ отстаивать укрѣпленный городъ въ продолженіе *одинадцати* мѣсяцевъ противъ атаки, веденной съ неслыханными дотолѣ средствами, тогда какъ, по расчету доктринеровъ, Севастополю надлежало бы сдать-ся на *одинадцатый* день. »

Полагаю, что переводъ на русскій языкъ такого сочиненія будетъ не бесполезнымъ матеріаломъ для исторіи послѣдней войны и для теоріи военнаго искусства.

Я. Т.

І.

Борьба на южной сторонѣ Севастополя есть, безспорно, самое громадное событіе, какое только извѣстно въ исторіи осадныхъ войнъ.

Франція посылаетъ сотни тысячъ своихъ лучшихъ войскъ въ Крымъ; Англія почти весь свой флотъ; Турція должна выставить сильный контингентъ, и наконецъ у Сардиніи вынуждаютъ нѣсколько дивизій. Эти арміи снабжены осаднымъ паркомъ, сила котораго по числу, по калибру орудій и по усовершенствованію вдесятеро превосходила количество артиллеріи, которое дотолѣ было употребляемо на твердой землѣ при какой либо осадѣ. И столь необъятной силѣ южная сторона Севастополя сопротивлялась одиннадцать мѣсяцевъ. Если бы Русскіе имѣли въ виду единственно удержать за собою городъ, то, навѣрное, прошли бы многіе мѣсяцы, прежде нежели союзники овладѣли бы имъ. Еще существовали оборонительныя учрежденія, одолѣть которыя было бы, конечно, не менѣе трудно, какъ и первую линіей, которая была прорвана лишь на одномъ пунктѣ. Но Русскіе защищали въ южной части Севастополя только флотъ и арсеналы, и когда уже не могли спасти ихъ отъ истребленія непріятельскимъ огнемъ, то добровольно очи-

стили укрѣпленный городъ, оборона котораго пребудеть на вѣчныя времена однимъ изъ достославнѣйшихъ подвиговъ русской арміи.

Если крѣпость, съ гарнизономъ и вооруженіемъ, въ допускаемыхъ обыкновенно размѣрахъ, выдерживаетъ шести или восьми—недѣльную осаду, предпринятую съ достаточными средствами, то и въ такомъ случаѣ она должна имѣть довольно значительную силу сопротивленія. Потому надлежало бы думать, что южная сторона Севастополя была, по своимъ укрѣпленіямъ, превосходною во всѣхъ отношеніяхъ крѣпостию, ибо сила сопротивленія крѣпости оцѣнивается всегда по тому, какія препятствія противопоставляютъ атакующему построенные верки. Есть даже такіе искусники въ фортификаціи, которые по числу и расположенію верковъ рассчитываютъ, сколько дней можетъ держаться крѣпость. Эти доктринеры въ инженерномъ искусствѣ, если пріобрѣтутъ гдѣ влияние, могутъ нанести такой же важный вредъ, какой причиняютъ товарищи ихъ въ политикѣ. Если бы подобнымъ людямъ показали южную сторону Севастополя въ сентябрѣ 1854 года, они не дали бы ей и одиннадцати дней срока до паденія.

Когда союзники произвели высадку въ Крыму, укрѣпленія южной стороны Севастополя ограничивались почти одною стѣною, съ амбразурами, усиленною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оборонительными башнями изъ известкового камня. Подобная укрѣпленная линія отнюдь не можетъ выдержать формальную осаду; она могла лишь служить, по наибольшей мѣрѣ, обороною противъ внезапнаго нападенія (*coup de main*), предпринятаго съ небольшими силами.

Здѣсь невольно представляется вопросъ: почему бла-

женной памяти Императоръ Николай Павловичъ, придавшій столь важное значеніе Севастополю, не обезопасилъ южной стороны этого города болѣе значительными укрѣпленіями?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ. Севастопольская гавань долженствовала служить операціонною базою русскому черноморскому флоту. Положеніе ея очень хорошо способствуетъ тому. Необходимо было, слѣдовательно, построить такія укрѣпленія, которыя защищали бы гавань отъ непріятельскаго нападенія, а этого нападенія надлежало ожидать преимущественно съ моря. Что укрѣпленія вполнѣ соответствовали сей цѣли, достаточно показано новѣйшими событіями: союзная армада не рѣшилась на вторую борьбу, и даже по паденіи южной стороны непріятельскій флотъ не могъ овладѣть гаванью. Формальной же атаки съ суши едва ли можно было ожидать, судя по положенію Севастополя.

До тѣхъ поръ, пока Дарданеллы были заперты для военныхъ судовъ всѣхъ націй, Севастополь, какъ крѣпость, могъ имѣть значеніе только при войнѣ съ Турціей, если бы Турція должна была принять сторону враговъ Россіи. Но въ такомъ случаѣ казалось болѣе нежели невѣроятнымъ, что Крымъ будетъ избранъ театромъ войны. Если бы даже, какъ случилось въ наше время, Франція и Англія соединились съ Турціей, то нельзя было бы и подумать о подобной атакѣ; но политика Австріи отрѣзала Русскимъ упрежденіе (*initiative*) и овладѣла главнымъ театромъ войны.

Конечно, въ случаѣ войны, Россія всегда должна была предвидѣть, что внезапно можетъ высадиться корпусъ и атаковать Севастополь съ суши для истребленія сосредоточенныхъ тамъ огромныхъ запасовъ. Подобной высадкѣ,

если мѣсто ея неизвѣстно, нельзя, разумѣется, воспрепятствовать; успѣхъ ея гораздо вѣрнѣе, нежели переправа черезъ какую нибудь рѣку. Но противъ внезапнаго нападенія южная сторона Севастополя была предохранена; по крайней мѣрѣ она могла держаться до тѣхъ поръ, пока не подоспѣла бы назначенная для прикрытія Крыма армія, если бы непріятельскій корпусъ высадился на такомъ мѣстѣ, откуда нельзя было бы воспрепятствовать движенію его къ крѣпости.

Соображенія эти служили, вѣроятно, исходною точкою при укрѣпленіи Севастополя. Построенныя, вслѣдствіе того, укрѣпленія были бы совершенно достаточны, если бы дѣла не приняли неожиданнаго оборота. Допустимъ, что, весною 1855 года, русская армія перешла бы за Дунай: сколько войска могла бы противопоставить имъ Турція? Тогда, вѣроятно, очень скоро прекратилась бы и осада Севастополя. Союзники, конечно, овладѣли южною стороною этого города, но Австрія усердно помогла имъ въ томъ, прикрывъ Турцію отъ нападенія.

Западныя державы и союзники ихъ, видя обезпеченными себя съ этой стороны, могли съ болѣею увѣренностію предпринять нападеніе на Севастополь. Россія, какъ и вся Европа, знала, что это нападеніе совершится, и потому покажется удивительнымъ, что войска, сосредоточенныя въ Крыму, были такъ малочисленны. Оставляемъ безъ рѣшенія вопросъ, представлялась ли возможность усилить ихъ, до момента высадки, какими-нибудь 20,000 человекъ; Русскіе полагали, что войскъ въ Крыму было достаточно. Мнѣніе свое они основывали, вѣроятно, на томъ, что нельзя было посадить на суда и высадить одновременно болѣе 30—40,000 человекъ, и это мнѣніе раздѣляли съ ними едва ли не всѣ военные люди.

И такъ, если тутъ была ошибка, то ошибка весьма извинительная; стоитъ только вспомнить объ огромныхъ приготовленіяхъ къ экспедиціи въ Алжиръ, въ 1830 году. Чрезвычайное же вліяніе силы паровъ на подобныя предпріятія еще не было оцѣнено во всемъ его объемѣ.

Когда союзники высадились на берега Крыма въ числѣ 70,000 человекъ, и князь Меншиковъ, со своими слабыми силами, не могъ остановить наступленія ихъ къ Севастополю, величайшая опасность угрожала южной сторонѣ города и находившимся тамъ арсеналамъ и флоту. Укрѣпленія были вовсе не таковы, чтобы противиться долго внезапной атакѣ столь значительной арміи, и въ добавокъ гарнизонъ былъ весьма малочисленъ.

Вице-адмиралъ Корниловъ, мужъ въ высшей степени рѣшительный, не видя болѣе спасенія для флота, предложилъ на обсужденіе военнаго совѣта вопросъ: «какъ флотъ, оставшись въ гавани, долженъ погибнуть, то не лучше ли выйти въ море и распространить ужасъ до Константинополя, и, въ случаѣ встрѣчи съ превосходными силами Англичанъ, вступить въ бой на жизнь и смерть?»

Геройское предложеніе адмирала Корнилова тѣмъ не менѣе подвергало флотъ, дѣйствительный предметъ обороны, вѣрной и быстрой гибели. Младшіе командиры судовъ единодушно возстали противъ такой мысли. «Справедливо» — сказали они — «мы рѣшились опровергнуть на самомъ дѣлѣ насмѣшки Англичанъ надъ нами и надъ нашимъ флотомъ; никто изъ насъ не сдастся; скорѣе мы погибнемъ, нежели опустимъ флагъ. Но наше самопожертвованіе въ морской битвѣ или въ отчаянной экспедиціи было бы безъ цѣли, не принесло бы пользы и не спасло бы Севастополя. Принесемъ лучше эту жертву

здѣсь, на родинѣ нашего флота, и докажемъ наше мужество тѣмъ, что станемъ защищать вѣрную намъ крѣпость.»

Это предложеніе было принято съ восторгомъ, и исполненіе его представило русской арміи случай къ оборонѣ, безпримѣрной въ военной исторіи.

Прежде всего успѣшили приступить къ защитѣ города.

Севастопольскіе верки, какъ сказано, не могли рѣшительно оказать сопротивленія формальной атакѣ, главнѣйше уже потому, что или вовсе не представляли возможности, а если и представляли, то въ малой степени, употребить въ дѣло значительное число имѣвшихся на лице орудій. Надлежало прежде насыпать валы, построить батареи, вырыть рвы. Для производства этихъ работъ оставалось весьма короткое время; ежедневно можно было ожидать появленія непріятели передъ городомъ.

Разсказываютъ, что въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ подполковникъ Тотлебенъ вызвался привести верки въ надлежащее оборонительное состояніе черезъ десять дней, вмѣсто шести недѣль, какъ требовалъ другой инженеръ. Не знаемъ, справедливы ли эти разсказы; дѣло въ томъ, что Тотлебенъ руководилъ построеніемъ оборонительныхъ верковъ, и, судя по тогдашнему его чину, надобно думать, что данное ему порученіе завѣдывать сими работами могло быть слѣдствіемъ сдѣланнаго имъ вызова. Это служитъ доказательствомъ, какъ оцѣниваются въ Россіи истинныя дарованія. Въ большей части армій, подобнаго офицера посадили бы подъ арестъ за самонадѣянность и за неуваженіе къ мнѣніямъ старшаго по службѣ.

Разумѣется само собою, что всѣ укрѣпленія могли имѣть лишь временной характеръ. Передъ стѣною вырыли

ровъ, размѣры котораго, по недостатку времени, не могли быть велики. Въ иныхъ мѣстахъ, каменистая подпочва и вовсе не позволяла заложить рва. За городскою стѣною насыпали валъ съ брустверомъ, и на нѣкоторыхъ господствующихъ точкахъ были построены батареи.

Если подумаемъ, какъ много нужно времени для построения крѣпости, и примемъ во вниманіе короткій срокъ, которымъ можно было воспользоваться для упомянутыхъ работъ въ Севастополѣ, то не можемъ не прійти въ величайшее удивленіе, какъ подобная крѣпость могла сопротивляться одиннадцать мѣсяцевъ атакъ, предпринятой несмѣтными силами.

III.

Въ высшей степени любопытно и поучительно для отдаленныхъ временъ рассмотреть причины, которыми былъ достигнутъ столь блистательный результатъ. Весьма многіе будутъ, конечно, того мнѣнія, что не настало еще время вдаваться въ подобныя изслѣдованія, но что прежде надобно дождаться точныхъ данныхъ обо всемъ происходившемъ, и тогда произнести справедливый приговоръ.

Для тѣхъ, которые ищутъ не того, чего ищемъ мы, такое мнѣніе можетъ быть и основательно. Намъ же кажется прежде всего необходимымъ изслѣдовать главныя побудительныя причины, которыя уже теперь обнаружены офиціальными извѣстіями. Позже, картина эта утратитъ, статься можетъ, свой ясный очеркъ отъ чрезвычайнаго множества подробностей; по крайней мѣрѣ, будетъ труднѣе рассмотреть на ней главные предметы. Вся ученость и весь педантизмъ инженеровъ бросятся тогда на изученіе журналовъ и чертежей; стануть вычислять, что если бы та или другая

линія была на столько-то длиннѣе, тотъ или другой уголъ на столько-то острѣе или тупѣе, та или другая батарея была вооружена пушками инаго калибра, — коротко сказать, если бы тысячи другихъ мелочей были въ иномъ видѣ, то оборона продлилась бы вѣроятно столькими-то днями и часами болѣе, или атака пріобрѣла бы столькими-то футами больше мѣстности. Не споримъ, что наука много можетъ выиграть отъ такихъ разсужденій, но не то имѣемъ мы въ виду. Легко случится, что ради этихъ мелочей забудутъ существенное, а это, къ сожалѣнію, часто бываетъ въ инженерномъ искусствѣ.

Оборона южной стороны Севастополя должна и будетъ имѣть огромное вліяніе на тактическое значеніе крѣпостей, и, при надлежащемъ ея обсужденіи, уничтожить многія старья и новыя мечты.

Прежде всего надобно отвѣчать на вопросъ:

«Начертаніе южной стороны Севастополя было ли такого рода, что могло благопріятствовать столь продолжительной оборонѣ?»

Въ начертаніи инженеры полагаютъ главное достоинство, и справедливо: начертаніе есть форма, въ которой совершается расположеніе дѣйствующихъ средствъ крѣпости къ оборонѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ оно условливаетъ ихъ употребленіе.

На основаніи этого правила, для каждой особой части мѣстности, при извѣстныхъ данныхъ силахъ, должно было бы существовать лишь одно начертаніе, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы требованіямъ. Опредѣлить лишь это начертаніе было бы преимущественно дѣломъ тактики, при чемъ надлежало бы принять въ соображеніе и тѣ измѣненія мѣстности, которымъ помогаетъ инженерное искусство. Къ сожалѣнію, тактики, и вообще люди военные, занимались

весьма мало, или почти вовсе не занимались, фортификаціей, особенно долговременной. Эта, безспорно, самая существенная часть военных наукъ, важное вліяніе которой на веденіе войны оказалось столь разительнымъ въ новѣйшее время, находится больше въ рукахъ архитекторовъ, и только недавно сдѣлана попытка обратить строителей крѣпостей въ людей военныхъ. Франція подала въ этомъ благой примѣръ: тамъ требуютъ прежде всего, чтобы инженеръ былъ солдатомъ, и многіе лучшіе французскіе генералы, стоящіе нынѣ въ главѣ арміи, вышли изъ инженернаго корпуса. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе, что именно архитекторы въ особенности способны быть инженерами, или что инженерные офицеры должны быть только хорошими каменщиками и плотниками. Послѣ этого можно сказать, что сапожники, портные и ружейные мастера могутъ быть отличными пѣхотными офицерами, или, по крайней мѣрѣ, что способные пѣхотные офицеры должны умѣть хорошо шить сапоги и платье.

Вредныя послѣдствія такого мнѣнія не могли не обнаружиться. Остроумные и скудоумные инженеры, сидя въ комнатахъ, выдумывали на бумагѣ системы, основанныя на извѣстныхъ, часто ложныхъ, данныхъ, и по готовымъ образцамъ строили и до сихъ поръ строятъ крѣпости. На мѣстность, главную всему основу, или мало или нисколько не обращали вниманія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи чертежа. Изобрѣтатели подобныхъ системъ, если они не были людьми военными, какъ Вобанъ, впадали часто въ грубѣйшія ошибки; меньше всего думали они о мѣстности, чтобы привести построенные верки въ возможно большее согласованіе съ заранѣе готовыми образцами. Общая форма крѣпости опредѣлялась большею частію формою города, частная—утвержденною системою, и послѣдняя служила главнымъ мѣриломъ силы крѣпости.